

ПОЕЗДКА ЛЕТОМ 1928 г. В КАСАНСКИЙ РАЙОН
(СЕВЕР ФЕРГАНЫ).

М. Андреев.

Уже несколько лет как в течение летних каникул я ежегодно занимался сбором этнографического материала и записями образцов языка среди таджиков разных местностей. Меньше всего мне был известен быт равнинных таджиков Ферганы, как равно и их говоры. Чтобы несколько ознакомиться с этими таджиками, при наступлении лета 1928 г. я выбрал, как наиболее удобный для поездки пункт, большое таджикское селение Касан, даже скорее небольшой город, насчитывающий около 3000 домов¹. Касан расположен приблизительно в 30—35 верстах на север от гор. Намангана—там, где равнина Ферганы, переходя в предгорья, принимает волнистый характер из-за гряд невысоких холмов, переходящих дальше к северу от Касана уже в настоящие горы. Касан—большое богатое селение предгорий, старое, с давно сложившимся старым укладом жизни и, что еще более ценно, сравнительно мало подвергавшееся влиянию русской жизни, значительно более отразившемуся в больших городах. Понаблюдать здесь, конечно, было интересно. Кроме Касана, я побывал еще в расположенном от него верстах в 12 сел. Хазрат-и буво (حضرت بابا), а также еще выше (вверх по той же речке, на которой стоит и Касан), в наполовину окиргизенном сел. Алабука, расположенном уже перед самыми горами. Из материала, собранного в этих местах за истекшее лето, в настоящей небольшой статье я позволю себе привести в виде отрывков только некоторые сведения по этнографии данного района, думая, что это может быть небезынтересно, как материал для сравнения с бытом других мест.

СЛЕДЫ РОДОВОГО ДЕЛЕНИЯ.

Любопытно, что все основное таджикское население касанского района, за исключением ходжей, сейидов и пришельцев из других мест, делится между собою на две группы—лятта и мита. Топографического деления, в том смысле, чтобы каждая из этих групп жила бы, занимая определенный район, в Касане не имеется, и мита здесь имеют свои дома попеременно с лятта, хотя в сел. Хазрат-и буво, напр., где население считает себя частью касанских таджиков, все жители принадлежат к одной группе лятта.

¹ П. Е. Кузнецов в своей статье „О таджиках Наманганского уезда“ (Изв. Турк. Отд. Русск. Геогр. Об-ва, 1915) приводит для Касана цифру в 2705 домов при 15,602 жителях. Перепись 1917 г. дает 3178 хозяйств при населении в 14,747 душ.

Представители каждой группы считают свое деление выше и благороднее по сравнению с другими, хотя это нисколько не мешает и той и другой группе свободно выдавать своих дочерей за членов другой группы.

Кроме названных двух групп, имеется еще небольшая третья группа, называемая турғай.¹ Турғай, вопреки смешанному расселению лятта и мита, живут отдельным районом на одной из окраин Касана, хотя брачуются, опять-таки, со всеми. Несмотря на свое турецкое название, говорят по-таджикски.

СВЯЗЬ С ТАДЖИКАМИ ВЕРХОВЬЕВ Р. ЧИРЧИКА.

Подобно тому, как жители сел. Брич-мулла („Бурдж мулло“ — برج ملا), расположенного неподалеку от ташкентской санитарной станции Чимган, указывают на свое происхождение из г. Чуста, что подтверждают и сами чувствы, среди которых, как и среди брич-муллинцев, сохранились предания о переселении в старое время части жителей из Чуста в нынешнее селение Брич-мулла, точно также в сел. Ка'ача, Баястанской волости, граничащей с Касанской, имеются воспоминания, что предки населения данного пункта переселились сюда около 150 лет тому назад из селений Сиджак, Хумсон и Боғыстон (верховья Чирчика), будучи переселены влиятельным киргизом Баястан-ботур, правившим тогда этим районом. И сейчас жители сел. Ка'ача, в котором имеется около 300 домов, говорят по-таджикски, причем, по словам касанцев, их говор несколько разнится от говора окрестных таджиков. В особенности характерна манера растягивать конечные гласные, отчасти напоминающая, по словам касанцев, говор туземных евреев.

МЕСТНЫЕ ТАДЖИКСКИЕ ГОВОРЫ.

Основным языком касанского района, которым жители говорят между собою, является таджикский язык, хотя все население, за исключением разве иногда женщин, свободно говорит и по-тюркски, имея, главным образом, сношения с киргизами, живущими в горах и предгорьях на север от Касана, а также подвергаясь и отуречивающему влиянию со стороны равнин. В настоящее время таджикский язык Касана и других окрестных таджикских селений, оставаясь по существу все еще персидским, находится в заметной стадии отуречения и пестрит уже турецкими словами там, где вчера еще имелись свои старые таджикские термины. Напр., „ярмо“, „иг“, накладываемое на шею пашущих волов, называется уже турецким словом „бюнтурук“ (بویندروغ — بوندروغ), хотя в других таджикских местах, в особенности среди горных таджиков, сохранилось еще название „джу“ (جو), „юг“ (يوغ). Перемена в языке технических терминов и названий предметов, даже таких, как только что приведенное „ярмо“, и при этом у старого иранского, в корне земледельческого народа, показывает, насколько мало можно полагаться иной раз для определения действительного происхождения вещей на их названия, даже чужеземные для данного языка.

Таджикский язык касанского района является самым северным аванпостом в области распространения таджикского языка в Фергане. С юго-запада к касанцам подходят таджики чувстского района. Характерной

¹ Знак Ғ обозначает твердое, гортанное г (ğ).

чертой для чустско-касанской группы является выговаривание „са“ (вместо чі, че: چه—что) в Чусте, Варзике и в западной части этой группы и „се“ в касанском районе, т. е. в самом сел. Касан (касанцы произносят „Касон“, Хазра́т-і буво́, Баяста́н (قلعهء باستان) и Ак-курган (к северу от Баястана). Таджикское равнинное چرا, произносимое во многих других местах, как „чі-ба, „чі-wa“, „чу-wa“, переходит в „са-wa“ в чустском говоре и в „се-wa“ в касанском.

Как характерную черту касанского народного говора, можно отметить усиленную склонность к выпадению в некоторых случаях *ρ*: гіфта — گرفته, гіфтам — گرفتیم, карам — کردم, кат — کود, гіста — گسته, гіжон — گزین, худам — خوردم, пу'д омад — فرود آمد и др. Правда, выпадение *ρ* во многих из этих слов наблюдается иногда и в других говорах, в частности в бухарском и самаркандском (в народном произношении), но, по-видимому, в касанском это проявляется сильнее. Может быть, это атрофирование *ρ* в старину не ограничивалось одним касанским районом, а распространялось и на тюркизированный теперь Наманган, раньше несомненно говоривший когда-то по-таджикски. У наманганцев эта потеря *ρ* (с усилением следующего за ним согласного) и сейчас наблюдается иногда очень заметно, вызывая по этому поводу даже шутки над ними жителей из других мест: „бодды́м“ — باردیم, худжджун — خوجین (переметная сума), „Боддон-курбон“ — باردان قورغان (название селения), „міс-шяп“ — میرشب (полицейский) и пр.¹

Слово „пушьт“ (спина) в касанском говоре намеренно выговаривается искаженно, как „пішьт“, т. к. в произношении „пушьт“ оно обозначает пассивного старого педераста (платящего за сближение с ним).

ОСТАТКИ ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ.

Сафар-качты. Этот древний обычай прыгания раз в году для очищения от бед через огонь, распространенный в древнее время очень широко в разных странах и проявлявшийся на Руси в виде празднования Ивана Купалы, существовал еще сравнительно недавно и в Средней Азии. Он в самых глухих углах (гл. обр. в горах) сохранился еще здесь и до наших дней, но продолжается в значительно ослабевшей форме и, видимо, находится накануне полного исчезновения. В равнинах он обычно уже настолько исчез, что молодежь часто не знает этого обычая, даже по имени, хотя рядом старики вспоминают, как они в детстве прыгали еще через огонь. Этот обычай, называемый во многих местах среди таджиков еще таджикскими названиями — чар-шамба-і охирун (Каратегин, Матча), чор-шамба-і охирон или чор-шамба сурук (Бухара), среди ферганских и ходжентских таджиков носит уже турецкое название — „сафар-качты“, подобно тому, как таджики Нур-атинских гор называют его „сафар-чикты“. Состоит он в настоящей, или, точнее, так как теперь он исчез, в сравнительно недавней еще его форме в том, что в последнюю среду месяца сафар, считающегося сугубо несчастливым, вечером зажигали костры и прыгали через них (в старину

¹ В области турецких местных говоров, как мне говорили касанцы (самому наблюдать не приходилось), интересно селение Али-хон (около 300 домов), жителей которого называют „сартами“. Здесь, как мне передавали, в говоре жителей отсутствует обычное выговаривание алифа более или менее как *o*, и алиф произносят как *a*: казі — قابی, атім — моя лошадь, аш — اش (пища), alip-kel — الیب کیل

и стар, и млад) для того, чтобы очиститься от всяких бед, приговаривая „алас, алас!“—слово, употребляемое, согласно словарю Будагова, в Сибири шаманами при камлании. При этом били посуду и во многих местах (в Ходженте, напр.) забивали насмерть собак.¹

По словам касанцев этот обычай, называемый в Касане сафар-качты, около 25 лет тому назад был еще в полном ходу, но теперь уже больше не справляется. Как и повсюду, сафар-качты справлялся в последнюю среду полного всяких несчастий месяца сафара. В старину по большим улицам раскладывали огни, и все прыгали, перескакивая через три огня и приговаривая:—„alás, alás, аз kylli balōhō xalōs!“ („алас, алас, избавление от всех несчастий!“). Некоторые при прыгании разбивали при этом глиняные чашки, бросая их на землю. Делалось это с тою целью, чтобы отвести висевшие над ними несчастья на эту посуду.² И в Касане, как и в некоторых других местах, населенных таджиками, в этот день преследовали и убивали собак. Последнее производилось (как мне говорили раньше и ходжентцы, говоря про аналогичные случаи) так усиленно, что, как уверяли меня старики касанцы, только с трудом могли находить при этом какую-нибудь собаку, так как все собаки разбегались тогда по садам и окрестностям. Причин избиения касанцы объяснить не могли, но, зная о роли подобного обычая в некоторых других странах,³ где собака являлась „козлом отпущения“, можно видеть, что и здесь грехи, беды и напасти переводились не только на посуду, но и на собак.

¹ Судя по некоторым данным, этот обычай совершался раньше по солнечному календарю и приходился на канун нового года, празднуемого весной, но потом постепенно был приурочен к лунному календарю. Его языческое происхождение, подобно наурузу, было всегда настолько ясно мullahам, что, по словам Ханыкова („Описание Бухарского ханства“, Спб. 1843, стр. 208), этот обычай, в Бухаре „называемый старинным именем Чаршамбеи сунни“, вызывал там и тогда репрессивные меры: „нынешний эмир приказал Рейсу строго смотреть, чтобы этого не делали, потому что это несовместно с мусульманским законом“.

² Воззрение, что нависшее над кем-нибудь несчастье может быть переведено на чашки или посуду вообще, которую нужно для этого разбить, вероятно легшее в основу битья посуды на русской свадьбе, можно ясно проследить в средне-азиатских верованиях, проявляющихся в других случаях. См., напр., битье дорогой чашки, описанное мною в статье „Чильтаны в средне-азиатских верованиях“ (Сборник *عقد الحان* В. В. Бартольду. Ташкент, 1927 г. стр. 347).

Вообще можно отметить, что накопившийся у меня материал по исполнению этого обычая в разных местах Средней Азии, а также собранные данные о сопровождающих его верованиях и здесь подтверждают теорию Вестермарка, что огни, зажигавшиеся в эти летние праздники в Европе и в других местах, имели назначение очищать прыгавших через них от бед, напастей и причинявших их ведьм, демонов и пр. Характерно, что упоминаемые в Средней Азии в возгласах при прыгании „balōhō“ (بالو) не только означают „напасти“, „несчастья“, но в первоначальном значении слова „balo“ (بالو) означает особое демоническое существо или ведьму, вредящую людям (см. мою работу: По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927, стр. 87—90).

Единственно, что может говорить в пользу противоположной теории Манхардта, видящей в зажигании этих огней следы стараний первобытного человека через имитивно-магические средства помочь солнцу развить свою теплоту на благодеяние человека и природы, это то, что, как я упомянул, есть основания предположить, что в старой своей форме в Средней Азии этот праздник совершался раньше накануне науруза, т. е. в момент весеннего равноденствия, когда солнце только что начинало пригревать. Но есть, однако, многое в сопровождающих обрядах (солому, напр., употребляемую для зажигания костров, берут, выметая из под войлоков, раскинутых на полу жилища, —запись в Матче—и пр.), что заставляет видеть в этом обычае главным образом, если не исключительно, очистительный характер.

³ Frazer. The Golden Bough. 3-е изд. ч. IX, London, 1925, стр. 209 и др.

«Кут-резон» — «отлив» — «отлив счастья». Так называется обычай, практиковавшийся когда-то в больших размерах, но в настоящее время сохраняющийся только в воспоминаниях стариков. Состоял он в том, что при поселении в новом доме старухи изготавливали своего рода талисман, фетиш, долженствующий охранять этот дом и доставлять ему счастье. Это, однако, делалось, повидимому, только в том случае, если не было возможности перенести старый фетиш, или если таковой исчезал. Старуха, стоящая во главе дома, старшая в семье, хранительница старых традиций, брала некоторое количество свинца, растапливала его и затем выливала в воду, повидимому, так же, как это делалось при русских святочных гаданиях. Полученный причудливых форм отлив при некотором воображении казался представляющим какое-нибудь животное — лягушку, ящерицу (кал-пйсса) и т. п. Это считалось за „счастье“ („кут“) данного дома и хранилось где-нибудь в укромном углу. Такие вещи, встречаясь уже крайне редко, существуют еще и по настоящее время в некоторых домах. Мне показывали один такой свинцовый отлив, бережно завернутый в вату, привезенный по моей просьбе из одного селения, лежащего около Касана и населенного таджиками (в тех домах в Касане, в которых спрашивали искавшие для меня подобное „счастье“ касанцы, теперь его уже больше не было). Действительно нужно было иметь большое доброе желание и значительное воображение, чтобы видеть в причудливо застывших каплях то или другое животное, как это понимали таджики.

Помимо Касана „кут-резон“ встречается также иногда и среди таджиков других мест.

Отношение к змее. Повидимому, к остаткам культа змей относится обычай вышивать змею на спине халатика или рубашки, носимой ребенком. Теперь и этот обычай исчез, живя только в воспоминаниях, хотя мне говорили, что еще несколько месяцев тому назад во время одного праздника видели мальчика, прогуливавшегося в таком халатике. Змея в таком случае вышивалась, по словам касанцев, шелком, пестрая — белого и черного цвета и изображалась извивающейся. Это изображение называлось „мёр“ („змея“) и считалось талисманом, охраняющим детей от дурного глаза.

Следы бывшего почитания змей, широко распространенные по Туркестану, сохранились, как и во многих других местах, в том, что домашнюю змею, живущую у себя в доме, в особенности, если она белого цвета, таджики не убивают — грех. Других же змей, даже белых, встреченных в других местах, стараются убивать, так как это „сау́б“ (ثواب) — богоугодное дело.² Подобно тому, как в Ташкенте и некоторых других местах первые называются „фарішьта“ (ангелы) и считаются за воплощение таковых, в Касане точно также считают, что под ними могут скрываться „парі“, а именно „мусулмон парі“ (пери мусульмане).³ Эти „парі“, проживающие под видом змей, при питании принимают вид

¹ Тюркское слово «кут» (قوت) встречается в джагат, татарск., узбекск. и киргизск. языках в значении „жизнь“, „счастье“. По словарю Лазаря Будагова оно означает в алтайск. „душа“, „присутствие духа“. Не имеем ли мы и здесь, в названии фетиша замену какого-нибудь прежнего иранского слова турецким его эквивалентом, подобно тому, как мы видели замещение в названии ярма старого *جوه* турецким *بویندروق*? Или рассматривать это, как указание на возможность турецкого происхождения данного обычая?

² В некоторых местах (мне встретилось в Джизакском уезде) считают, что за каждую убитую змею прощаются по десяти грехов.

³ Парі по народным воззрениям делятся на „мусульман“ и „язычников“ („кофір“). Последние причиняют вред людям, в то время, как первые безопасны.

кошки, а при путешествии, передвижении, превращаются в голубей. Вот почему нельзя убивать ни одного из этих животных. Один из признаков, что встречаемая змея является „парі“ (но может также в этом образе быть и „джин“) будет то, что она ползает прямо, не извиваясь, в то время, как обыкновенная змея будет ползти характерной извивающейся линией. Чтобы не ошибиться при убийстве встречной змеи некоторые сначала смотрят—как она ползет, и только убедившись, что это простая змея, ее убивают.¹

Сухая змеиная шкурка, оставляемая змеей при линьке, считается средством против дурного глаза и зашивается, как „тумор“ (амулет—*طومار*), носясь в виде подвески к вороту рубашки.

Джоду (*جادو*) Жизнь таджиков в глухих углах, в особенности в среде женщин, полна верований, что то или иное несчастье, болезнь, отсутствие желательной беременности и пр. не могут произойти без влияния злой силы, злых духов, вредящих людям или по своей собственной воле или по недоброжелательству какого-нибудь человека, насылающего этих духов, чтобы повредить пострадавшему. Это делается кем-нибудь из недругов по злобе. Для этой цели человек, желающий причинить вред другому, обращается к знахарю, заклинателю, употребляющему для этого колдование, наговоры на различные предметы, что и называется „джоду“ (колдовство—*جادو*). Это видно яснее всего из примера. Касанцы рассказывали мне, что один житель их селения однажды сильно заболел и страдал общим упадком сил и расстройством. Что он ни делал, было бесполезно. Ни лекарства, ни посещения мазаров не помогали. Наконец он наткнулся на знающего дуохона (*دعاخوان*), который, посмотрев на больного, сказал ему, что над ним совершено три джоду. Средство против этого как раз находилось в руках того же дуохона. Это было чтение касид (*كاسيده*—*„kaside“*), употребляемых для подобных целей сильными, могучими дуохонами. Такие касиды написаны обязательно по-арабски и содержат, главным образом, хвалу пророку Мухаммаду. В особенности читается та касида, за которую пророк отдал в награду поэту свой бурнус („бурда“).² Началось чтение, при котором происходили следующие явления. Вдруг неожиданно откуда-то сверху падает какой-то предмет, оказавшийся старым ключем, на который что-

¹ Это верование также широко распространено в Средней Азии вместе с другими пережитками бывшего культа змей. Как любезно сообщил мне т. Нисар-Мухаммад, среди афганцев-патанов существует представление, что если убить такую змею и из нее покажется кровь, то говорят, что это была не простая змея, а джин, которому надоело жить и который, чтобы покончить с своим существованием, принял образ змеи для того, чтобы его убили. Туркмены также, если приходится убивать змею и при этом саблей, считают, если показалась кровь, что это был джин. Саблю в таком случае несколько раз втыкают в землю, чтобы предать кровь земле, т. е. поступить с ней, как с человеческой кровью, которая всегда засыпается землею. Зарывание трупов змей я встретил даже среди казаков (киргиз-казаков).

Повсюду в Средней Азии имеются, как я упомянул, следы бывшего почитания змей. В Ягнобе и до сих пор белая змея в народных воззрениях теоретически (в самом Ягнобе таких змей не водится) считается чистой, хорошей, как равно и в некоторых других местах. В особенности живуче и развито представление о том, что домашние змеи являются покровителями дома, оберегающими его благополучие. Собранный мною по этому вопросу материал надеюсь иметь возможность опубликовать когда-нибудь особо.

² Эта, самая известная из арабских поэм, написанная для пророка поэтом Ка'б беп-Зухэйром, широко распространена под именем „бурда“ в мусульманском мире и считается обладающей при прочтении ее сверхъестественной силой, почему и применяется при заклинаниях.

то было навязано (в таких случаях при наговорах взятые для этой цели предметы чем-нибудь опутываются или к ним что-нибудь привязывается: волосы, нитки с многими узлами, или, напр., бумажка с написанными на ней какими-то письменами и пр.). Это и был наговор, спрятанный где-то недоброжелателем и который бросили теперь духи под влиянием кислоты. Чтение продолжается дальше, и точно таким же порядком сверху падают среди сидящих в кругу присутствующих—сначала старая подкова с различными привязками, а затем еще один предмет, тоже со следами колдовства. После того, как добыто определенное количество наговоренных предметов, считается что больной должен выздороветь.

Этим страхом перед „джоду“ отлично умеют пользоваться туземные цыгане, эксплуатируя на этой почве, главным образом, женщин.—„Что это такое,—как здесь сильно пахнет джоду?“—говорит проходящая цыганка, войдя в женскую половину дома.—„Нужно поискать и найти—наверное, где-нибудь есть“, прибавляет она. Под испытующими полудоверчивыми взорами хозяйки цыганка начинает поиски. Под порогом, в углу помещения, в каком-нибудь, иногда совершенно неожиданном месте цыганка находит или нитку со множеством узлов, или кость с признаками произведенного над ней колдовства, сухой помет, завернутый в тряпку и т. п. ясные доказательства, ловко делая вид, что извлекает это без всякого обмана.¹

Траур. Как и во многом другом, женщины и в соблюдении траура оказываются здесь лучшими хранительницами старых традиций, представляя собою более консервативный элемент, чем мужчины. Женщина, носящая траур по муже, одевается во все черное. Ее сестры и прочие более дальние родственницы покойному в таком случае одеваются в синее. Т. е. мы видим здесь, как и в древних иранских представлениях, существование двух цветов для траура—черного и синего (подобно тому, как в Европе черный и лиловый). У мужчин траур выражается значительно слабее—носят только черную тюбитейку, если умер отец.

Характерно, что женщинам, как передавали мне в Касане, при ношении траура в старину приходилось сильно бороться при этом с муллами, порицавшими и запрещающими этот обычай, нахо-

¹ Окончившая Восточный Факультет САГУ А. К. Писарчик присутствовала летом 1927 г. в гор. Ура-тюбе при таком извлечении джоду и любезно поделилась со мною своими наблюдениями. В один туземный дом, где она находилась, зашли случайно две цыганки. Хозяйка дома, не имевшая детей, решила воспользоваться случаем, чтобы выяснить причину своего бесплодия, очень ее удручавшего, а также, если можно, хотела попробовать полечиться через наговор. Но сначала нужно было уничтожить неблагоприятные чары. Одна из цыганок села посередине двора, показала и дала осмотреть имевшуюся у нее в руке простую деревянную палку, чтобы все убедились, что на палке ничего не имелось. По ее указанию принесли по несколько пригоршней земли из указанных ею мест, в том числе из под порога дома. Земля кучкой была сложена перед нею приблизительно аршинах в двух от нее. Не вставая с места, концом своей палки она начала разрывать землю и через несколько времени извлекла оттуда небольшой комочек земли, который она опустила в поданную по ее просьбе чашку с водой. В расплывшейся в воде глине обнаружили: 1) нитка с узлами на обоих концах, 2) несколько человеческих волос, которые потом присутствующая компания женщин нашла точь в точь соответствующими волосам бездетной хозяйки (все решили, что это были ее собственные волосы, выпадавшие при вычесывании, очевидно похищенные недоброжелателем), 3) кусочек красного перца, 4) небольшая косточка. Весь комочек был диаметром приблизительно сантиметра в два. Цыганка объявила, что этот джоду был принесен и закопан в доме в день свадьбы потерпевшей каким-то пожимым мужчиной с целью воспрепятствовать ей иметь детей.

В награду цыганка получила платье, некоторое количество съестных припасов, кое-что из домашней посуды и 1—2 рубля деньгами.

дя его языческим. Его объявляли также „бид'ат“ (بدعت), т. е. ересь. Женщины, противостоя муллам, указывали, что это древний обычай, оставшийся от предков, который они обязаны соблюдать.

В старое время, как еще сохранилось в памяти стариков, жена носила траур по мужу в течение трех лет. Если бы она его не соблюдала, то подвергалась бы осуждению со стороны прочих женщин. В настоящее время, однако, траур по мужу сокращен до одного года.

Поминование умерших. Как и во многих других местах Ср. Азии, оно совершается в большие праздники курбан и рамазан, но не на новый год. В указанные два праздника утром, до совершения праздничного намаза, все идут на кладбище, где и молятся за умерших — безразлично, были ли за этот год умершие в семье, или нет. Это самое горячее время для „коры“ (قاری) — чтецов наизусть корана, которые обслуживают поминающих, прочитывая над могилой за особое вознаграждение отрывок из корана — обычно три стиха („аят“). Кору в г. Бухаре, как мне говорили, справляются очень выгодно для себя с этой задачей тем, что заранее прочитывают в свободное время у себя на дому в течение месяцев по несколько раз коран и затем при наступлении праздника продают желающим соответствующее число раз „сауоб“ (ثواب), т. е. награду на том свете за прочтение корана. Такого предварительного прочтения в Касане нет, да, кажется, кроме Бухары, нигде больше в Средней Азии и не встречается.

Кукла, изображающая покойника, среди киргизов. Хотя этот обычай относится к киргизам, проживающим в горах и предгорьях около Касана рядом с таджиками, и среди самих таджиков не встречается, но он настолько характерен, что о нем следует упомянуть, тем более, что он находится в настоящее время в стадии исчезновения.

Среди окрестных киргизов встречается до сих пор уже быстро исчезающий теперь обычай, согласно которому, если в доме умирает мужчина, и если это, в особенности, глава семьи, то пока не будут справлены по нему соответствующим образом поминки, сопряженные у киргизов, как известно, с большими расходами (имеющими в основе обеспечить приносимым материальное благополучие покойника на том свете),¹ делается следующее. В доме или юрте умершего отгораживается занавеской уголок, где на вертикально поставленную подушку надевают халат покойника, сверху кладут приготовленную для надевания чалму. Это подобие куклы и должно представлять умершего, продолжающего находиться среди своих в ожидании поминок. К уголку, где находится эта кукла, подходят с почтением. Один касанец рассказывал мне, что в киргизской семье в урочище Гаджор (в окрестностях сел. Баястан) он видел такое изображение покойника, хотя уже прошло немного больше года после смерти. Оказывается, не смогли еще собраться, чтобы сделать соответствующие поминки.

РИСАЛЯ (СКАЗАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РЕМЕСЕЛ).

В Касане старики до сих пор еще помнят, что все употреблявшиеся ими рисаля были на персидском языке. Только по-

¹ Первобытные представления, что жизнь на том свете является прямым продолжением земной, кажется, особенно ярко сказывается у киргизов и казаков. См., напр., очень интересную казакскую „Легенду о мертвом и живом и о дружбе их“, записанную Чоканом Валихановым (Сочинения Валиханова, Спб. 1914, стр. 29—36).

том, с распространением ташкентских литографированных изданий на узбекском языке, они перестали из-за удобства приобретения переписывать свои старые персидские тексты и перешли к турецким (узбекским). Таким образом Ташкент со своими литографированными изданиями сыграл не малую роль в исчезновении за последние десятки лет персидских текстов рисаль.

ДЖУРА (ПОД ЗИМНИХ КЛУБОВ).¹

Древние собрания мужчин селения зимою (по прекращении полевых работ), столь характерные для таджикского уклада жизни, в большой степени распространены и здесь. Как повсюду, это касается только мужчин. Начинают участвовать в таких джура не раньше двадцати лет, т. е. с такого времени, когда участник способен сам зарабатывать деньги, чтобы вносить „тукма“—свой пай на расходы, свой членский взнос. Группирование джура происходит по склонности знающих более или менее людей друг к другу, по соответствию в занятиях, по возрасту. Молодые составляют отдельные джура из молодых, пожилые—тоже более или менее из своих сверстников. Людей неприятных, которые могли бы нарушить приятное препровождение времени джура, в члены не принимают. Число участников колеблется от 10 до 25. Одного, обычно обладающего соответствующей михмон-хоной („помещением для гостей“), выбирают на должность „джура-боши“—распорядителя, заботы которого, главным образом, сосредоточены на помещении. Кроме того, выбирается один из членов на должность „бозорчи“—человека, закупающего на базаре необходимые продукты на деньги артели. Иногда бывает, что принимают какого-нибудь бедняка бесплатно в члены артели с тем, чтобы он оказывал услуги: колол бы дрова, варил пищу и пр. Джура-боши, если человек состоятельный, то, помимо предоставления помещения, дает еще от себя освещение, иногда помогает дровами, хотя чаще всего дрова, как равно и уголь, необходимый для „санда“ и для самоваров, покупается артелью наравне с прочими продуктами. Мясо закупается в виде баранов: 2—4 барана идут на питание артели в течение зимы.

Продолжительность функционирования таких клубов—с выпадения первого снега, т. е. начиная приблизительно с середины ноября, в течение трех, а иногда даже четырех и, в крайнем случае, четырех с половиной месяцев. Членский взнос состоит из доли фактических расходов, падающих за весь период на человека—приблизительно в настоящее время 45—50 руб. Форма производства расходов в разных клубах-артелях бывает несколько разная. В некоторых все расходы производятся за счет членских взносов, в других на собранные деньги покупается только мясо, сало, уголь и еще некоторые предметы, а хлеб, рис (на плет), а также дрова, чай и пр. приносятся по очереди тем членом, очередь которого падает на данный день. Все эти припасы он приносит из своего дома. Собираются члены на свои собрания в Касане ежедневно, во все дни недели, за исключением среды, т. к. этот день здесь является базарным (раз в неделю бывает базар, на который съезжаются странствующие торговцы и приезжают жители окрестных селений). Каждый в этот день бывает более или менее занят, а вечером, кроме того, по существующему обычаю, во всех домах в этот день гото-

¹ В Бухаре и Самарканде такие зимние клубы называются „гашьта“.

вится палау (плов), который каждый член джура ест у себя дома, не приходя в этот вечер на общее собрание.

Время когда члены джура стекаются в свое „гап-хона“ (помещение для бесед)—это вечер, наступающий после намаза „шом“. Не запрещается приходить и днем, что и делают некоторые, собираясь в небольшом сравнительно количестве на „нонушъта“—чай с хлебом, который подается зимой около 8—9 час. утра. Вечерние собрания продолжаются приблизительно до полуночи, после чего расходятся по домам, хотя некоторые, дома которых находятся далеко, или, если погода плохая, остаются ночевать.

Питание в джура состоит, во-первых, в том, что все время имеется готовый чай, пьющийся членами по желанию. В некоторых джура в начале вечера подается шурба (суп), а затем после намаза „хуфтân“ (происходящего около 9 час. вечера) дается еще плов. В других ограничиваются только пловом.

На собраниях обмениваются новостями, обсуждают злободневные вопросы, рассказываются собеседниками случаи из собственной жизни, рассуждают о своих и чужих делах и пр. При случае говорят анекдоты, шутки, сказки. Иногда кто-нибудь читает вслух невысокого содержания „джанъг-нома“ (جنگ نامه)—популярные повести о чудесных приключениях и фантастических войнах каких-нибудь мусульманских героев вроде Абу-Муслима и др. Поются песни, играют на дутаре. Раньше устраивались танцы бачей, но теперь, после революции прекратились в связи с изданными запретами. Зато молодежь теперь иногда играет в карты.

Очень характерно, что даже до сих пор в Касане—большом, зажиточном селении, скорее городе, для „гап-хона“ предпочтительно выбираются курные жилища, называемые „хона-і сіѵ“ (خانه سیاه), т. е. такие помещения, в которых посередине на полу открыто раскладывается большой костер, вокруг которого и сидят присутствующие, хотя в той же комнате теперь уже очень часто имеется и „мурі“—род камина, прислоненного к стене или устроенного в ней, с дымоходом в виде вертикальной трубы в стене. Этот камин служит при этом обычно и как „ошътѵн“ (آش دان), т. е. служит для приготовления пищи—обстоятельство, как нельзя более подчеркивающее, что назначение и костра, раскладываемого на полу посередине помещения в особом квадратном углублении, называемом старым словом „гульхан“ (گلخن), является служить по существу не для приготовления пищи, а представлять собою традиционный огонь, вокруг которого с давних времен привыкли сидеть собравшиеся, подобно тому, как это делали и их очень отдаленные предки.

Это обстоятельство уже сразу сближает теперешние „гап-хона“ и джура с „домами огня“ „алау-хона“ и с назначением последних у горных таджиков. Такие алау-хона встречаются в Каратегине, Дарвазе и еще, может быть, в некоторых горных странах. Здесь в каждом селении такое общественное учреждение для удобства и под вполне понятным влиянием религии расположено обычно при мечети. Здание общее, под одной и той же крышей, причем отдельно отведено помещение для молитв, собственно мечеть, отгороженное стеной, а рядом, с отдельными дверями, находится „алау-хона“—более или менее просторная комната, с большим углубленным квадратом посередине для разведения общественного костра. Такое помещение—обычно единственное на все

селение (если в нем одна только мечеть). В нем собираются в долгие зимние вечера все мужчины селения, сидя за костром, коротая, как и в гап-хона, время за беседой, шутками, сказками, песнями и пр. Здесь решаются общественные дела, вырабатывается общественное мнение, устанавливается отношение к разным вопросам. Сюда приносится каждым из дома его вечерняя пища, которая делится с окружающими. Это также дома для остановки путников, чужеземцев, смело в них останавливающихся, рассчитывая на гостеприимство селения, т. к. жители селения, приносящие свою пищу, считают своей обязанностью приглашать к ней путника, деля сами с ним пищу. Самый костер, пылающий зимою посередине собравшихся кругом его мужчин селения, поддерживается топливом, приносимым или каждым по очереди в наступивший очередной для него день, или приносимым участниками без всякой очереди. Здесь едят иногда также и свою утреннюю или дневную пищу, пьют чай, т. е. как раз делают все то, что совершается и сейчас в гап-хона в равнинах. По существу, судя по всем данным, это остатки древних домов мужчин.

Между горными алаў-хона („дом огня“)¹ и равнинными гап-хона имеется и связующее звено. В Ягнобе, расположенном в верховьях р. Зарешана, т. е. между Каратегином—областью „домов огня“ и равнинами с их „гап-хона“, как раз наблюдается промежуточное явление. Здесь алаў-хона больше уже не имеется (под этим названием, по крайней мере). При мечетях нет специального места для остановок путников и для сборов мужчин селения. Но, как доводилось наблюдать, их заменяет то, что ягнобцы называют „миһмён-хона“ („помещение для гостей“). Это далеко не вполне соответствует здесь равнинному значению этого слова. Ягнобские „миһмён-хона“ бывают частные (но далеко не при каждом доме), принадлежащие отдельным лицам. Таковы, напр., селения Пўлла-роўт и Бидив. В первом из них (Пўлла-роўт) на имеющиеся там 11 домов приходится три миһмён-хона. Но в том же Ягнобе имеются и общественные миһмён-хона (напр., селения Наумиткон, Чукат, Таге-чанор), принадлежащие всему селению, куда, как и в соседнем Каратегине, собираются все мужчины данного селения. Функции частных и общественных миһмён-хона, повидимому, здесь не различаются. Разница в том, что в частновладельческие собираются ближайшие к ним соседи, а в общественные—все селение. В виду крайней трудности добывания топлива в Ягнобе костер разводится при этом только тогда, когда варят чай или готовят пищу. Если нет приезжего гостя, когда каждый выходит со своей пищей, чтобы съесть ее в миһмён-хона и поделиться с гостем, пищу все едят у себя дома. Вообще, судя по тому, что передавали мне ягнобцы, повидимому, женатые посещают эти собрания не очень усердно, и б. ч. в миһмён-хона собираются холостяки, которые там и остаются ночевать. Такой же порядок, как приходилось слышать от матчинцев, имеется и в соседней Матче, и в Фальгаре.

¹ Какое значение имело в строе первобытной жизни человека место разведения огня, можно и сейчас видеть из некоторых названий в той же Средней Азии. Киргизско-казацкое „утаў“, „отаў“, означающее в современном употреблении кибитку молодых, по своему словообразованию и первоначальному смыслу означает, по моему мнению, „огневище“—место, где разводился и поддерживался у номада огонь, т. е. тоже, может быть, своего рода „алаў-хона“. Отсюда и параллельные производные اوتاق (джаг.-адерб.), اوتاق، اوده، اوتاق (осм.) и др.

Хочу прибавить несколько слов к вышесказанному об эволюции в типе построек для мihмoн-xoнa, как это можно видеть в Касане, и что, полагаю, более или менее характерно вообще для жилищ равнин и предгорий. Эти постройки можно разделить на три типа.

1) Старая мihмoн-xoнa, редко уже теперь попадающаяся, но все же окончательно еще не исчезнувшая, даже в таком большом культурном центре, как Касан. В такой мihмoн-xoнa камина (мурі) нет совершенно. Огонь, в виде открытого костра (гулхaн), как упомянуто, разводится посередине пола в особом квадратном углублении, называемом „чoр-чyб“—вероятно, от деревянной рамы, которая вделывается в стенки в верхней части, чтобы помешать осыпаться краям. После того, как огонь в чорчуб прогорит, туда над оставшимися горячими углями ставят широкий табурет (сандаі), покрывают его сверху широкими одеялами, и получается обычный сандал, за которым при холоде едят и спят. Пища в таких мihмoн-xoнa готовится в прилегающей передней—„dahліз“ (دهلیز).

2) Смешанного типа, переходная форма, где в одном и том же помещении находится и чoр-чyб для раскладывания костра—„гулхaн“, не служащего для варки пищи, и прижавшийся к стене камин с „oшyтoн“ (آشدان).

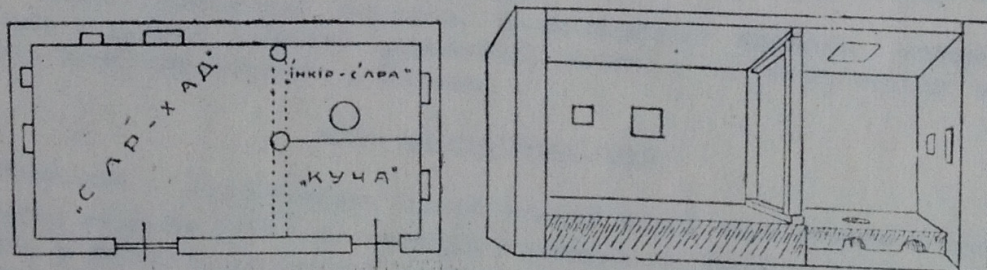
3) самого позднего типа, только с одним камином (мурі), служащим при надобности и как „oшyтoн“. Имеется и „чoр-чyб“, но он служит только для сандала. Костра уже совершенно не разводят, чтобы не закоптить чистых белых стен, покрытых очень часто рисунками, как через раскрашивание, так и рельефными украшениями по ганчу. В потолке нет и отверстия для выхода дыма („paўзaн“).

Говоря о камине, не могу отделаться от впечатления, что он проник сравнительно недавно и что можно, вероятно, собравши достаточный материал, установить историю его проникновения и развития. Мы сейчас присутствуем при исчезновении старого курного жилища в равнинах и большого распространения камина (мури). Но в глухих углах в горах, где старый порядок держится, естественно, более сохранно, мы видим, что камин начал распространяться только недавно, а во многих местах курные помещения преобладают, и имеются еще большие районы, не затронутые распространением камина. Характерен в этом отношении, например, Ягноб. На весь Ягноб имеется теперь всего только около 8 каминов, называемых по-ягнобски „касаба інкiрь“, из которых три приходятся на пограничное, имеющее более всего сношений с таджиками селение Бидив. Остальные камины построены в некоторых селениях Ягноба, причем нигде нет больше одного камина на селение. В большинстве селений ни в одном доме камина нет. Все имеющиеся камины сооружены в Ягнобе за последние двадцать лет и раньше каминов не было.

Заговорив о каминах, не могу удержаться, чтобы не упомянуть в двух словах об эволюции формы пола. Все, бывавшие в равнинах Туркестана и Бухары, обращали, вероятно, внимание, входя в мihмoн-xoнa, на углубленный квадрат в полу, расположенный в мihмoн-xoнa у самой двери, приблизительно в длину и ширину немного только, может быть, превышающий ширину самой двери. Пол этого квадрата находится на одном уровне с порогом двери, а остальной пол всей мihмoн-xoнa ле-

жит выше—приблизительно на 6—8 вершков. Мне кажется, что история этого квадрата приблизительно такова.

Самые старые типы жилищ в данное время, естественно, могли сохраниться в горах, где вместе с остатками древних, до-персидских языков, старыми обычаями и верованиями, сохранился и более чистый тип древнего арийца, обитателя Средней Азии. Наиболее развитым и типичным в архитектурном отношении, повидимому, следует считать тип жилища в верховьях Панджа, где жилое помещение представляет из себя комнату, в которую от двери ведет проход, образуемый идущими кругом стен широкими глиняными нарами. Проход этот, отойдя от двери, часто расширяется посередине комнаты в квадрат, соответствующий нашему представлению о поле, и называется пō-гá (پاگه). Уже в долине Ванча можно встретить этот пō-гá в виде прямоугольника, шириной приблизительно метра в два, отходящего от стены у двери вглубь комнаты приблизительно на две трети глубины последней. И в Ванче, как и выше, этот проход, как сказано, образуется из краев отходящих кругом от стен глиняных нар, называемых „дукон“ (دكان), возвышающихся над пō-гá приблизительно в среднем на $\frac{3}{4}$ метра. В пō-гá пол не считается чистым. В нем можно оставлять калоши, если только такие есть, можно даже в случае необходимости заводить скот. Самые же нары считаются чистыми, приспособлены для нахождения там людей. Они соответствуют чистому полу равнинного жилища в обитаемом помещении. Чем дальше от Панджа к равнинам, тем более характер пō-гá, как равно и нар, изменяется.¹ Последние переходят во многих местах в широкую площадь, занимающую половину комнаты, а пō-гá, в мihмон-хона в Ягнобе, напр., стесненный введением широкого очага, или, точнее, площадки над ним, уровнем своим соответствующей дукону (нарам), сокращается размером уже до $\frac{1}{4}$ площади всего помещения, или даже меньше, приближаясь к упомянутому квадрату перед дверью равнинного типа. Следует сказать, что пō-гá, как и нары, в Ягнобе носят уже другие названия: нары — „сар-хад“, а пō-гá — „куча“. В Ташкенте квадрат перед дверью особого названия не имеет (старое название, видимо, утеряно) и просто обозначается, как „место, где снимают калоши“ (каўш ичадыган джой). Но в Бухаре он носит ясно свое старое название — „пōй-га“ (پایگاه).

Мihмон-хона в Ягнобе (с. Бидив, дом Пир-Махмата).
Схематические вертикальный и горизонтальный разрезы.

П И Щ А.

Самым распространенным ежедневным блюдом, как у бедных, так и у богатых, является „суюк-ош“ (из тюркск. *سویوق آش* — „жидкая пи-

¹ Если позволят обстоятельства, я надеюсь со временем издать имеющиеся у меня чертежи и пр. материалы по таджикскому жилищу в разных местах.

ща“) – общее название целого отдела похлебок, лапшей и пр. В Касане суюк-ош иначе называется таджикским словом „гарма́к“. Дается, главным образом, днем на полдник, но иногда едят и вечером. Имеются следующие блюда, называемые приведенным выше одним общим именем:

1) Ош-и убрó—лапша, запускаемая в предварительно заготовленную похлебку, главным образом, из маша (*Phaseolus Mungo*), иногда из фасоли. Мясо входит в это блюдо только у богатых. У бедных же оно варится без него. Заправляется обычно кислым молоком.

2) Тутмóч—приготавливается так же, как убрó, но полосы раскатанного теста, запускаемые, как лапша, значительно шире—около вершка шириною.

3) Мóш-и-бїріндж—промытые маш и рис опускаются вместе в котел с водою, причем сюда же кладутся овощи—фасоль, тыква (последняя, главным образом, весною); за последнее время начали употреблять и картофель. После того как блюдо готово, заправляют кислым молоком.

4) Шуллá—приготавливается из риса, часто измельченного, вáрящегося на воде. До спуска риса в воду прибавляют немного масла, поджаренного вместе с луком. Эту жидкую кашу едят с кислым молоком.

5) Јармá—приготавливается, как ош-и убрó, с той только разницей, что вместо фасоли или маша в это блюдо кладется поджаренная и раздробленная пшеница.

6) Кашк—варится пшеница на воде с солью и, иногда, с овощами (репа, тыква и пр.). В жидком виде, когда его можно хлебать ложкой—это кашк. Когда же сварено намеренно настолько густо, как густое желе—„халлá“. Его едят тогда руками.

7) Аталá—делается, главным образом, зимою, в особенности для рабочих, сгребавших снег с крыш. Приготавливается из муки с водою, варящейся при помешивании.

8) Кóчї—род киселя, приготавливаемого из кунжутной муки и воды, к которому прибавляют молока.

9) Ош-и-джаварї. Одно из самых популярных блюд, приготавливаемое, главным образом, для рабочих. Делается из раздробленного в ступе сорго, с прибавлением искрошенной свеклы. Иногда еще кладут маш, фасоль, мясо. Едят с кислым молоком.

Вышеприведенный перечень, охватывающий наиболее употребительный разряд кушаний „суюк-ош“, конечно, не исчерпывает всех блюд, приготавлиющихся в Касане.

СТАРАЯ СИСТЕМА МЕР.

Меры веса. Теоретически самой мелкой мерой веса является волос рогатой скотины (گاو), не стоящей в хлеву, а ходящей на свободе, т.-е. такой, у которой шерстинки длинны и толсты. Семь таких шерстинок равны зерну ячменя среднего размера. Далее идет следующий счет:

7 зерен ячменя	= 1 горошине
24 горошины	= 1 мискаль
7 мискалей	= 1 пайса ¹

¹ Старый счет, по которому 7 мискалей равнялись 1 пайсе, в настоящее время в Касане уже исчез из употребления и заменился в современном счете: 5 мискалей=1 пайса.

200 пайса́	= 1 чакса́
4 чакса́	= 1 нім-шік ¹
8 чакса	= 1 шішік
4 шішік	= 1 чойра́к

В Касане 1 чойра́к исчисляется в 5 пуд. 13¹/₃ ф.

Характерно, что „чойра́к“ является здесь самой крупной мерой и что „ман“ или „батман“ в системе веса не применяется. Точно также в сохранившихся названиях мер веса нет и других мер, встречающихся в Ура-тюбе и Афганистане: „се́р“, „хурд“, „јетымáк“, „ба́ріба́к“ (последние два мне встретились в Ура-тюбе) и др. Можно поэтому предположить, что индийская система веса сюда мало проникала или здесь плохо сохранилась. На частичное соприкосновение с ней может указать имеющееся „пайса́“, а также случайно оставшееся выражение—„нім хурд кам нім шік“, т.-е. „половина шика без пол-хурда“. Но отдельно „хурд“ сейчас уже не встречается, и такой меры уже не знают. Из сравнения приведенного выражения про „пол-хурд“ с прочими мерами можно восстановить, что один хурд равнялся 100 пайса.

Имеется также и мера „се́р“ („сір“), но она употребляется только красильщиками тканей при применении или при покупке индиго, т.-е. недавнее ее проникновение из Индии совершенно очевидно.

Меры сыпучих тел. Эти меры употребляются иногда при счете для себя, но для продажи их употребляют редко. Среди них можно отметить „тупі“ „тюбитейка“. Употребляется при займе чего-нибудь и при возвращении долга; „пі́жолá“ (чашка для питья чаю)—применяется при займе или мелкой продаже; „му́шът“—горсть; „ха́ууч“ пригоршня. При помоле зерно измеряется большими решетами, которые называются „па́роѳ“, причем для точности измерения взвешивается содержание зерна в одном па́роѳ и множится на соответствующее число повторных па́роѳов.

Меры длины. 1) Пі́к—ширина указательного пальца в среднем его сгибе (см. табл., р. 1).

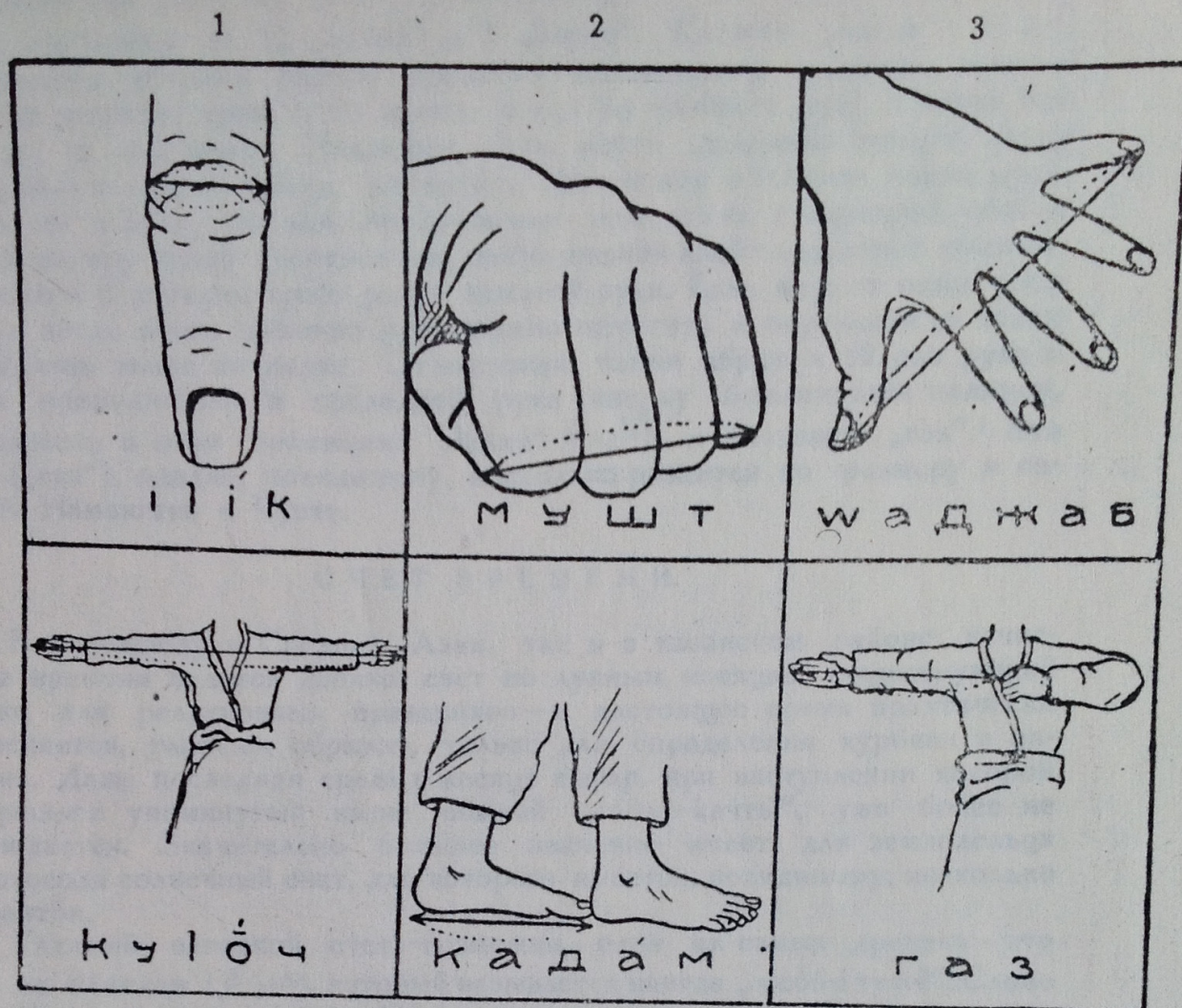
2) му́шт (مشت)—„четыре пі́к“ („чор пі́к“). Равняется ширине руки, представляя собою прямую линию между наружным боком мизинца и наружным боком указательного пальца при сжатых в виде кулака пальцах, причем измерение производится в среднем сгибе (табл., р. 2).

3) ва́джаб (واجب)—четверть (аршина): пространство между концами крайних пальцев руки с растопыренными до предела пальцами (табл., р. 3).

4) ку́ло́ч (из тюркск. قول آج)—одна маховая сажень: линия между крайними концами вытянутых в разные стороны рук (табл., р. 4).

5) „газ“ (گز) соответствует половине „куло́ч“ и является туземным аршином. Но нужно предположить, что эта мера появилась здесь сравнительно позднее (табл. р. 6).

¹ В слове „нім-шік“ т.-е. „пол-шика“, „шік“ является, очевидно, сокращением из полной формы—„шішік“.

Меры длины.

6) „кадам„ (ар. قدم). Употребляется в играх детей (напр., при игре в чиж—„chillak-bözi“) при измерении расстояния, где словом „кадам“ называется длина ступни. Меряют, ступая так, чтобы пятка передней ноги, прилегала бы к пальцам задней (как и у русских детей) (табл., р. 5.)

7) „саньг“ (سنگ)—считается за 12.000 обычных нормальных шагов. Как и повсюду в Туркестане, считается, что это соответствует 8 русским верстам.

Меры поверхности. Измеряется земля посредством танапов (طناپ), причем каждый танап, как это принято и повсюду для официального измерения, равняется 400 кв. саж. Можно, однако, предположить, что, повидимому, исчисление на танапы введено в касанском районе сравнительно недавно, хотя еще применялось уже и при кокандском ханском управлении. Что это именно официальная мера, введенная для выяснения размеров полей в связи с их обложением налогом, называемым „хирадж“ (خراج),¹ видно из того, что при измерении земли для других надобностей ее обычно считают на „чак“. Размеры „чак“, подобно батману, в разных местах бывают различны. Касанский „чак“ представляет собою площадь в 432

¹ Хирадж в старину, как известно, собирался с урожая натурой: $\frac{1}{5}$ урожая с поливных полей и $\frac{1}{10}$ —с посевов под дождь.

квадратных газ (18×24). „Газ“ („газ-і-марсумá“—„обычный газ“) в этом случае считается за 12 „кабзá“ и 1 „коімá“. Словом „кабзá“ (قبضة) обозначается ширина ладони среднего нормального человека, считающаяся от края до края, в то время, когда он сжимает руку в кулак или зажимает в нее палку. Например, если взять довольно тонкую палку и, начавши с одного конца, обхватить этот конец обхватом кисти руки, зажать ее в руку, то для продолжения измерения следующий обхват должен на эту палку класться так, чтобы нижний край следующей руки соприкасался с верхним краем ранее зажатой руки. Если меряет один человек, то после этого нижнюю руку можно опустить и перенести ее таким же образом выше по палке. Отложенная таким образом 12 раз рука с одним приподнятым в последней руке кверху безымянным пальцем, называемым в этом положении „коімá“ (قائمة), и составит „газ“.¹ Эта мера („газ“), однако, повидимому, несколько разнится по размеру в соседних Намангане и Чусте.

С Ч Е Т В Р Е М Е Н И.

Как повсюду в Средней Азии, так и в касанском районе исчисление времени ведется двояко: счет по лунным месяцам, существующий только для религиозных праздников—в настоящее время практически применяется, главным образом, только для определения курбана и рамазана. Даже последняя среда в месяце сафар, при наступлении которой совершался упомянутый выше обычай „сафар-качты“, уже более не соблюдается. Значительно большее значение имеет для земледельца и скотовода солнечный счет, для которого имеется, повидимому, несколько вариантов.

Главный основной счет, возможно, один из самых древних—это счет по плеядам (هور كر), который называется иногда „хисоб-і-туғол“. Слово „туғол“—от турецк. طوغمق - توغمق—восходить (о светилах)—в здешнем употреблении означает одновременное пребывание на небе, восхождение луны и плеяд в их пути по небесному своду. В течение шестимесячного периода, имеющего центром зиму, такой „туғол“ происходит с е м ь р а з. Как мне передавали касанцы, это бывает следующим образом: 1-й туғол случается на 13-й день лунного месяца, 2-й на 11-й следующего месяца, 3-й—на 9-й день лунного месяца (этот день считается началом зимы), 4-й—на 7-й день следующего месяца, 5-й—на 5-й день лунного месяца (приходится на месяц „хамал“—حمل, приблизительно соответствующий марту), 6-й—на 3-й день и 7-й теоретически на 1-й день лунного месяца, когда нарождающийся молодой месяц на закате в этот день виден вместе с плеядами—положение, трудно уловимое нормальным глазом, но, как уверяют, это могут разглядеть самые зоркие из киргизов. Этот последний восход двух светил является последним в этом счете, обнимающем полгода времени.

Данный счет до того силен в народном сознании, что относительно некоторых его периодов имеется ряд народных пословиц и примет. Напр.—„бешь туғолдá бешікдағи бөлá сау́к же́ймáды“, т. е. „при пятом туголе (в марте месяце) ребенок, находящийся в люльке, не чувствует холода“. В этот же период убирают у баранов-кочкаров (самцов) све-

¹ В одной касанской мечети, находящейся против овечьего базара, на столбе еще и сейчас имеется железная мерка, представляющая „газ“, определенная в старое время собранием муфтиев и вывешанная в общее руководство для избежания споров.

шивающиеся у них под животом войлочные переднички, которые до того мешали им оплодотворять овец, т. к. дальше нет опасности, что преждевременно появившиеся ягнята могли бы погибнуть от холода. Счет этот самый популярный в касанском районе среди таджиков и легко доступен для понимания каждого. Этот зимний счет, захватывая часть осени и весны, на лето не продолжается. Хотя счет по плеядам считается одним из самых древних в культуре человечества,¹ но возможно предположить, что в данной своей форме он проник к касанским таджикам от киргизов.

Рядом с этим счетом, но менее доступное для народного понимания, существует деление года по двенадцати знакам зодиака, где месяцы имеют известные арабские названия: حمل - ثور - جوزا - سرطان - اسد и др. Год считается с весеннего месяца حمل. Старых персидских названий для этих месяцев не сохранилось совершенно, если не считать попавшихся мне двух упоминаний: одно в известном шутилистом старинном двустишии

Дар Нанáj дар вақт-і дај ангӯр пухт мō хурдаїм,
Дар асáд Атáк об ҷах кард—мō бигузаштаїм.

В Нанае в декабре поспел виноград—мы ели,
В июле замерз Аток—мы проходили.²

Другое название, повидимому, очень широко распространенное среди таджиков Средней Азии (встретилось мне и в Ягнобе), это „*kuyluxi-tamusi*“ (كلوخ تەموزی)—„июльский комок глины“, т. е. название крепких, затвердевших прочно на июльском солнце комков глины („*кулух*“), заменяющих кирпичи. Здесь слово „*тамус*“ (تەموز) встречается совершенно определенно и может служить хотя слабым отражением существовавших когда-то персидских названий месяцев.

На основе счета в двенадцать месяцев существуют и деление солнечного года на четыре времени года: „*зімістон*“—зима, „*awwál-i bahór*“—весна, „*bahór*“—лето и „*тірамō*“—осень. Слово *bahór*“, имеющее здесь значение только как лето, до того прочно употребляется в данном смысле, что среди простого народа слово تابستان даже неизвестно.

Три месяца зимы составляют девяностодневный период „*туксán*“, почему-то повсюду называемый среди таджиков этим турецким словом. Обе „*chilla*“—сорокадневные периоды наибольших холодов и жары, приходящиеся на лето и на зиму, здесь тоже известны, но более детальные деления, как, напр., десятидневные периоды „*ахман*“ и „*дахман*“ (احمان - دحمان), отмеченные покойным В. П. Наливкиным в помещенной в его хрестоматии статье *چله و توتوسان نینگ بیانی*³, в настоящее время среди населения известны уже только по имени и, вообще старый счет быстро исчезает из употребления, заменяясь европейским.

¹ См. V. Iyer. Year-measurements in Ancient Times. Journal of the Bombay Branch of Royal Asiatic Society. 1914.

² В Ташкенте более распространен другой вариант, где Аток (р. Аток, дающая начало Инду) заменен словом „Парáк“ (پارک-فرک)—древнее название р. Чирчик, протекающей около Ташкента: در تەموز فرک آب یخ کرد مەبکەشتە. айм.

³ Наливкин, В. Хрестоматия для Туркестанской учительской семинарии. Ташкент, 1896 (литография). стр. 22—24.

ПЕРЕХОДНЫЕ БАЗАРЫ И БАЗАРНЫЙ ЦИКЛ.

Как во многих местах Средней Азии, переходящие базары, образующие недельный базарный цикл по разным селениям, имеются и в касанском районе. Селения, являющиеся по своему расположению центрами для окружающего населения, имеют свои определенные базарные дни, раз в неделю, куда окрестное население приезжает, чтобы продавать сельско-хозяйственные произведения и покупать необходимое, и куда к этому дню съезжаются странствующие торговцы, располагающиеся в лавках, обычно запертых остальные шесть дней недели. Такие базары и живут этими торговцами, называемыми здесь „чёр-бозорі“ — „четырехбазарные“, хотя в действительности они могут объезжать и пять, или даже шесть базаров. Заканчивая свой базарный день в одном селении, торговцы едут с вечера со своими товарами в очередной базарный кишлак, где их уже ждет заранее готовое, арендуемое ими место. Те из них, у которых товар не представляет большой тяжести, перевозят его в больших хурджунах на той же лошади, на которой едут и сами торговцы. К таким торговцам принадлежат, напр., продавцы тюбитеек, атторы, торговцы ножами и др. Другие, товар которых тяжелее — продавцы ситца, чаю, сахару, калаш, ичигов, одежды, гончары и пр. перевозят свой товар на арбах.¹ Местный круг базарных селений с указанием в них базарных дней и показанием движения торговцев, виден из приводимой схемы.

Как видно из схемы, несколько в стороне находится Афлятун, расположенный в горах. Здесь базар, как мне говорили (сам я не был), устраивается без всякого кишлака (кругом только киргизские аулы). Из-за большого сравнительно расстояния до Афлятуна, происходящий в нем по субботам базар приурочен так, что между соседними базарами, бывающими в с. Пешькарон в четверг и в с. Нанай в понедельник, имеется по промежуточному дню, употребляющемуся на передвижение.

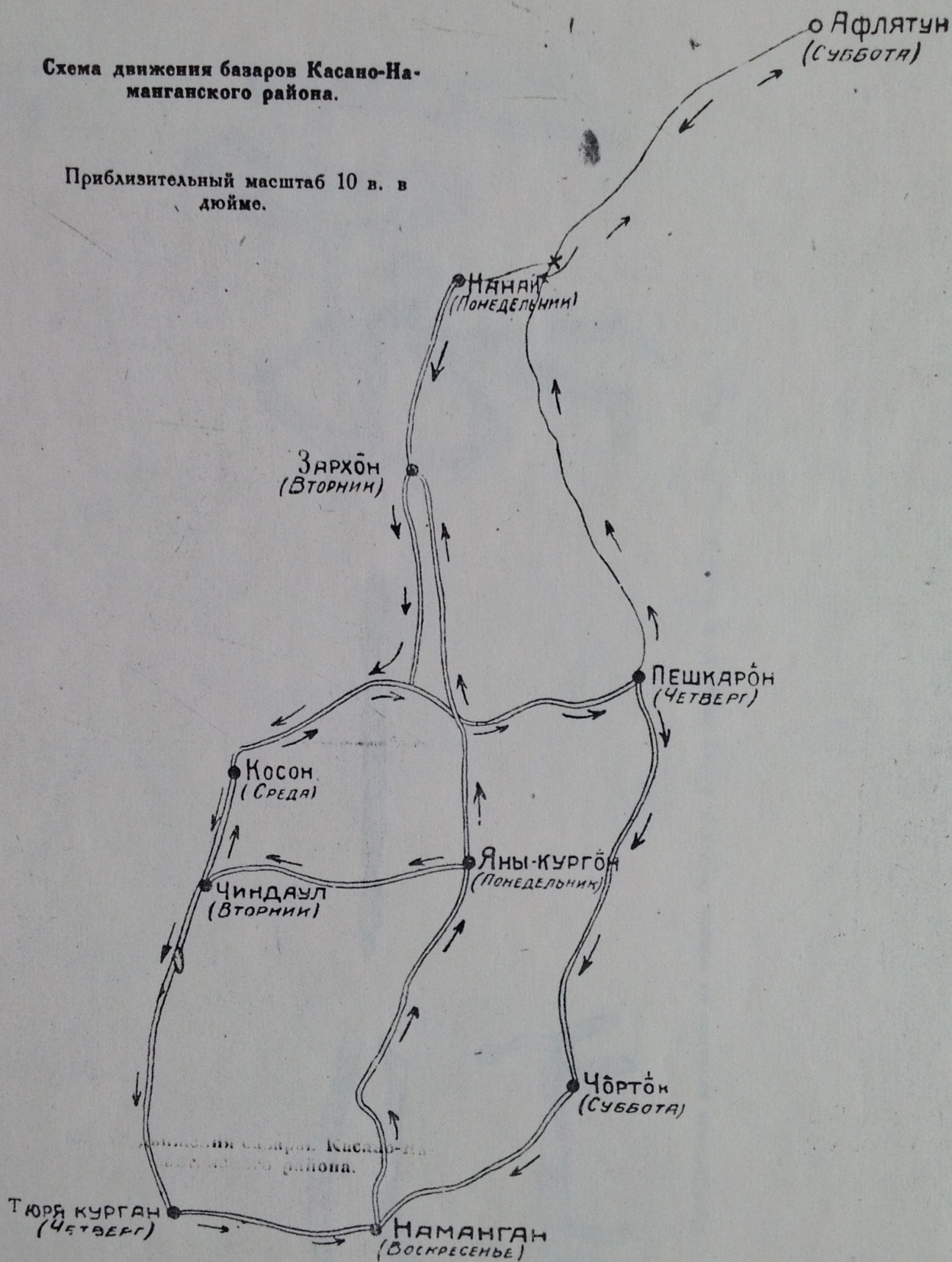
Как показано в схеме, движение торговцев иногда перекрещивается. Так из приезжающих, напр., в Касан, где базар происходит по средам, часть уезжает затем на базар в Тюря-курган, а другие едут в Пешькарон: в обоих селениях базар бывает на другой день, т. е. в четверг. Точно также и из с. Пешькарон — часть едет на субботний базар в Афлятун, а часть отправляется на субботний же базар в Чартак.

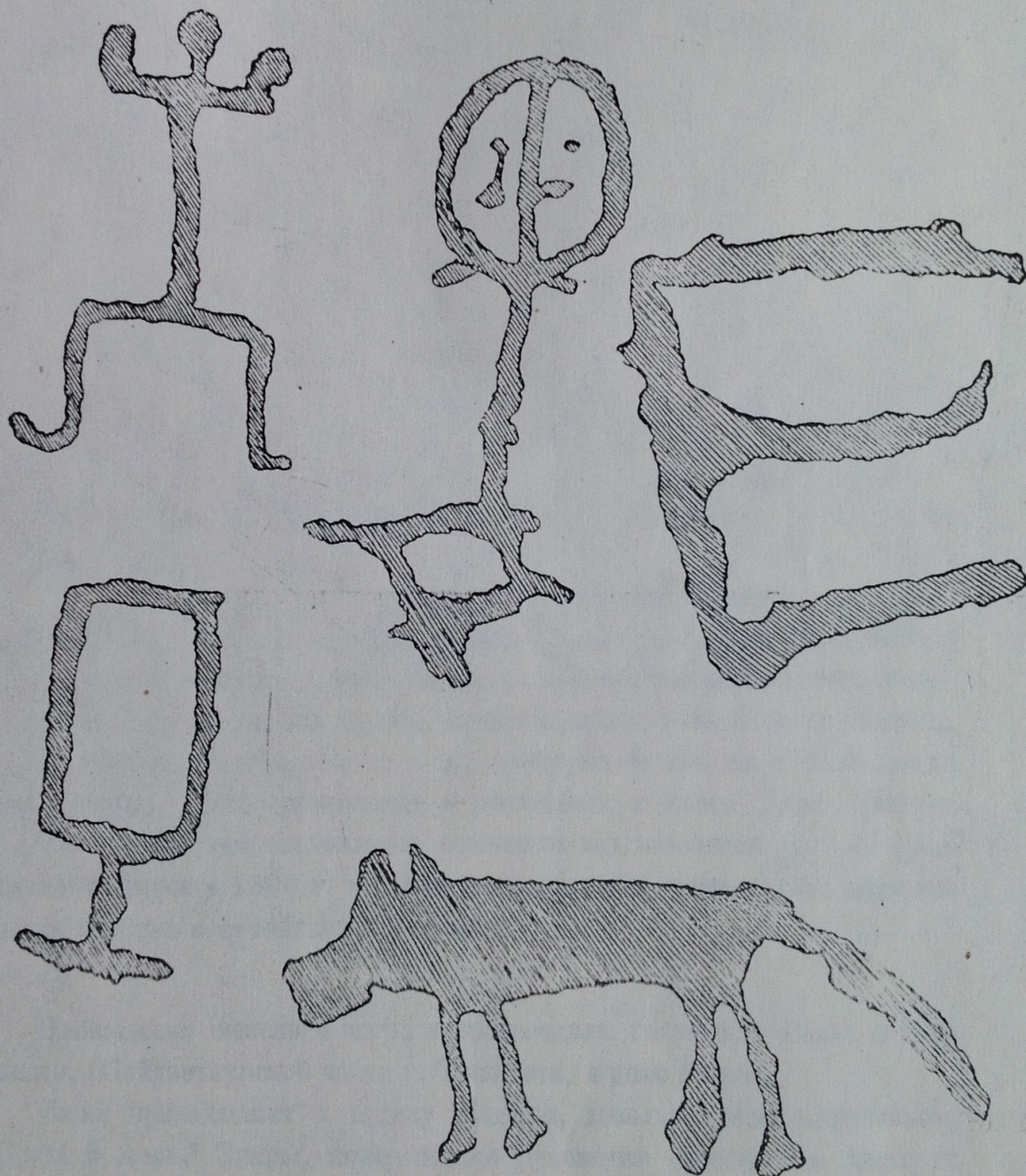
На некоторых из базаров, в особенности при сделках с киргизами, торговля ведется часто меновая. Приведенное, напр., киргизом животное по соглашению с торговцем оценивается в определенную сумму, которую этот киргиз и выбирает у торговца товаром.

¹ Некоторые из торговцев имеют для переездов свои арбы, другие же нанимают, соединяясь, если это удобно по размерам товара, по 2—3 человека вместе для переезда на одной арбе.

Схема движения базаров Касано-Наманганского района.

Приблизительный масштаб 10 в. в
дюйме.

Изображение на камне на правом берегу р. Касан в сел. Хазрат-и-бува,
прибл. в версте выше моста